

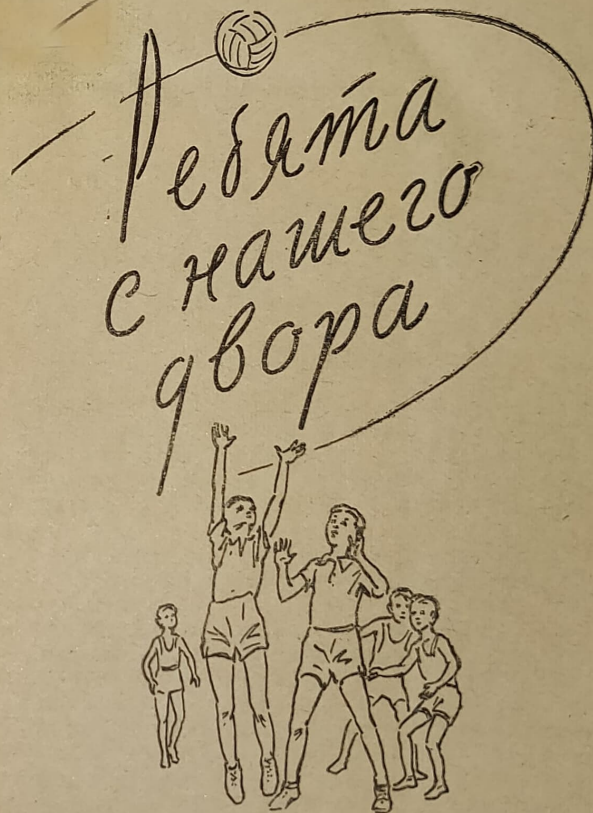
РИММА КОВАЛЕНКО

Ребята
нашего
двора

РИММА КОВАЛЕНКО

КРАСНОДАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1961

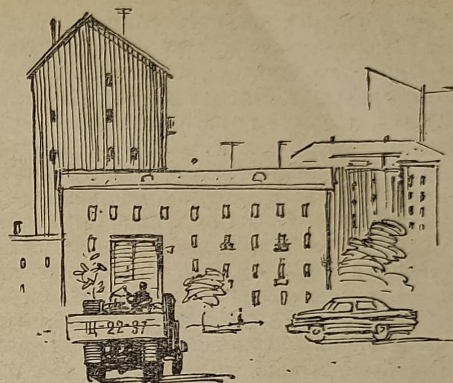
Коваленко Р. М.

К 56

Ребята с нашего двора. (Повесть). Красно-
дар, кн. изд., 1961.

46 стр. с илл.

Р 2

НАМ ДАЛИ КВАРТИРУ

Папа в этот день пришел раньше обычного. Не раздеваясь, вошел в комнату, схватил меня в охапку, засмеялся и поцеловал. Потом он целовал Ляльку, маму и бабушку. Творилось что-то странное. Бабушка вдруг заплакала, а мама засмеялась и тоже поцеловала меня.

— Наконец-то, — говорила она, — наконец-то дождались! Показывай скорей и рассказывай, где, как, на каком этаже?..

Папа достал из пиджака бумажник, раскрыл его. Мы с Лялькой сгорали от любопытства.

— Вот! — папа торжественно положил на стол маленькую желтую бумажку. — Вот он — ордер!

Мама осторожно взяла бумажку, словно это был не обыкновенный листок, а перо волшебной жар-птицы, прочитала и передала бабушке.

— Костя, Ляля, — сказала она, — мы получили квартиру в новом доме. Вы понимаете, целую отдельную квартиру!

Мы понимали. С тех пор, как появилась Лялька, моя кровать перешла к ней. Я спал на диване, потому что вторую кровать ставить было некуда. Диван был клеенчатый, скользкий, и простыня к утру всегда оказывалась на полу. Когда кто-нибудь к нам приезжал, диван

отдавали гостю, и я опал с бабушкой. И еще мы все горевали, что у нас нет письменного стола. И папа уходил по вечерам чертить на третий этаж к своему товарищу. Но особенно обидно было на Новый год. Елку покупали маленькую и ставили на стол. А через день-два ее убрали, потому что во время еды зеленые иголки сыпались на хлеб, в суп, и бабушка сердилась.

В ордере было написано, что в «случае незанятия жилплощади в течение трех суток, он теряет силу». Поэтому все стали говорить о том, как бы нам скорее упаковать и перевезти вещи. Мама от волнения хотела сразу же собираться и даже сняла скатерть со стола. Но папа сказал, что надо сначала ехать и посмотреть свою новую квартиру. Начали собираться. Решили, что каждый возьмет с собой какую-нибудь небольшую вещь, чтобы потом было меньше перевозить. Я взял свою папку с картинками, бабушка какие-то свертки, и мы отправились. Во дворе мы всем сообщали нашу новость, и все улыбались, поздравляли.

— Я думаю — возьмем такси, — сказал папа, когда мы вышли на улицу. Мама согласилась. «В конце концов, не каждый день едешь смотреть новую квартиру».

Но тут вмешалась бабушка.

— Вы забываете, сколько расходов у нас впереди...

И мы направились к автобусной остановке, обождали немощно и поехали.

— А теперь смотрите во все глаза, — сказал папа, когда автобус повернул на широкое асфальтированное шоссе, — это наша улица.

Улица нам понравилась. Все дома большие, многоэтажные. Сколько ни смотри — деревянного не увидишь. Мама тоже улица понравилась. Она читала вывески и все время приговаривала:

— Очень симпатичный район. Смотрите — библиотека, гастроном, еще гастроном, поликлиника...

Но вот автобус остановился. Мы вышли и отправились обратно, потому что дом свой уже проехали. Наконец, мы вошли во двор. Что там творилось! Будто не двор, а огромная комната после землетрясения: столы валяются, стулья, диваны, всякие сундуки, чемоданы. Один огромный буфет поднимали на веревках к балкону, так как он не проходил во входную дверь.

Папа ушел искать управдома, чтобы взять у него

ключи от квартиры, а я стал рассматривать ребят во дворе. Их было много. Почти все сидели у своих вещей, только один длинный, очкастый, вертелся среди всех, обращая на себя внимание. Через минуту он подскочил ко мне и спросил:

— Из какого подъезда?

Лялька показала пальцем, из какого.

— У тебя фотоаппарат есть?

Я ответил, что нет.

Мальчишка постоял, смешно подвигал губами и хлопнул меня по плечу:

— Не горюй! Не в фотоаппарате счастье.

Я и не думал горевать, с чего это он взял? Мальчишка мне понравился. Сразу видно, что веселый. Высокий, худой мужчина в серой шляпе позвал его, и я услышал, что имя мальчишки Сенька. Мне захотелось как следует познакомиться с Сенькой, но тут пришел папа с ключами, и мы отправились смотреть квартиру.

Квартира оказалась очень хорошей. Три комнаты, кухня, в ванной холодная и горячая вода, кругом все покрашено и блестит от чистоты. Мама и бабушка тут же стали решать, где что будет стоять и что надо купить, а мы с папой открыли окно и посмотрели во двор.

— Ну вот, Костя, — сказал папа, — считай, что началась наша жизнь на новом месте.

Новое место было, что надо. И жизнь на новом месте тоже должна была быть хорошей.

ГАРИК

Я заметил, что люди редко бывают довольны тем, что у них есть. Так случилось и у нас. Сначала все восторгались: «Ах, какая прекрасная квартира, это — чудо, это — рай!», но прошла неделя, и все стали замечать, что в квартире многое не так. Не было стальных шкафов, входная дверь закрывалась не в ту сторону, а батареи парового отопления установлены на таких местах, что портили весь вид. Бабушка все вздыхала о своих знакомых, оставшихся в старом доме, и об огороде на нашем дворе. А мама переживала из-за того, что, не смотря на новую кровать и письменный стол, в комнатах пустой, нежилой вид. Дольше всех радовались но-

вой квартире я с Лялькой. Мы целыми часами играли в прятки или напускали полную ванну воды и купались по очереди.

— Мои ребята даже похудели от этой ванны, — сказала как-то мама нашей соседке из квартиры напротив.

У этой соседки было очень много красивых ковров. Несколько дней подряд они висели во дворе и сушились, а соседка сидела рядом с ними на маленьком стульчике и читала книжку. Иногда к ней подходил кудрявый мальчик в голубой наглаженной рубашке и что-то говорил ей. Соседка уходила домой, а мальчик садился на стульчик и смотрел на свои ковры. Это они с матерью караулили их по очереди.

Получилось так, что раньше всех я познакомился с этим мальчиком. Однажды, когда я поднимался по лестнице домой, его мать позвала меня:

— Мальчик, заходи к нам.

Она раскрыла передо мной дверь, и я вошел.

— Сейчас я познакомлю тебя с Гариком, — сказала она. — Он скучает один. Может, вы подружитесь.

Гарик кормил в аквариуме рыбок. Увидев меня, он улыбнулся и протянул руку. Мы познакомились. В комнате, не считая аквариума, было много интересного: черная сорока в большой серебристой клетке, разноцветные камни в коробках. А на стене в черных красивых рамках хранились засушенные цветы и листья.

— Это все твое? — спросил я у Гарика.

Он как-то скучно улыбнулся и ответил:

— Считается, что мое. Отец у нас геолог. Это все его подарки.

Сорока поглядела на меня одним глазом и вдруг крикнула:

— Каррык!

Гарик постучал по клетке:

— Она у нас говорящая. Это она меня по имени назвала. Марина, Марина, познакомься с Костей.

Сорока опять поглядела на меня сбоку и закричала что-то неразборчивое.

— Сердится, — объяснил Гарик, — она уже старая.

Из кухни послышался голос Гарикиной мамы:

— Дети, ступайте мыть руки, обед готов.

Я стал отказываться, но никто даже не слушал. На столе уже стояли тарелки с супом. Пришлось есть. Га-

Гарикина мама села с нами за стол, но не ела, а все время приставала к сыну:

— Смотри, Гарик, как мальчик аппетитно кушает, а ты засыпаешь над каждой ложкой.

Я стал есть медленней, а от третьего совсем отказался, но Гарикина мама продолжала ставить меня в пример.

— Если ты хочешь, чтобы этот мальчик каждый день приходил к тебе, Гарик, ты должен все съедать.

— Его зовут Костей, мама.

— Ах, если бы у тебя был аппетит хоть наполовину такой, как у Кости, — вздохнула Гарикина мама и вышла из комнаты.

— Что тебе, трудно есть быстрее? — спросил я у Гарика.

Он пожал плечами и опять скучно улыбнулся:

— Какая разница? Она все равно меня не оставит в покое.

Гарик поглядел на дверь и зашептал через стол:

— Только смотри — никому. Я недавно убежал из дома. Она сказала, что я хочу ее смерти. Врачи делали ей уколы. И я дал слово. Понимаешь, теперь иначе нельзя.

В это время вошла его мать.

— Ну, мальчик, — сказала она мне, — твои родители, наверное, беспокоятся. Приходи к нам завтра.

Если бы меня другая чья мать так выпроводила, я обиделся бы. Но теперь я понимал, что Гарик терпит больше, и решил не обращать внимания. На завтра я снова пришел к ним. Пока мы были в комнате, его мать не спускала с нас глаз. И мы оба говорили о каких-то пустяках, специально для нее. Но вот, наконец, она разрешила нам пойти во двор. Еще на лестнице я спросил у Гарика:

— Ты куда бежал, в Арктику?

— Что я, дурак? — ответил он. — Я к папе направился. Это недалеко, двадцать восемь часов на поезде. У меня билет был...

И тут он начал рассказывать об отце. Я слушал и думал: «Везет же людям!» Гарикин папа везде бывал, все умел. Он был красивым и сильным. Умным и добрым. Он, как мальчишка, умел лазать по деревьям, умел свистеть, как соловей, и плавать, как рыба. Он

никому не выдавал Гарикиных секретов и звал его «Грачом». Я влюбился в этого папу с первых же слов. И Гарик мне стал нравиться по-настоящему. Я сказал ему:

— Давай с тобой дружить. На всю жизнь.

Он посмотрел на меня и вздохнул.

— Послезавтра мы уезжаем к морю.

Я тоже загрустил. К морю — это, конечно, здорово, я с радостью поехал бы. Но расставаться с Гариком мне не хотелось.

— Ты же вернешься, — сказал я ему, — и мы с тобой придумаем что-нибудь веселое.

Во дворе нас заметили другие ребята. Очкастый Сенька предложил сыграть в футбол. Гарик никогда в футбол не играл, но все сказали, что тут уметь нечего: пинай мяч ногой к воротам противника и вся игра. Гарик согласился. Но тут я увидел, что из окна на нас смотрит его мать:

— В другой раз, — сказал я ребятам.

Гарик тоже посмотрел на окно и все понял. Мы пошли и сели на скамейку.

— Когда будешь на море, — попросил я его, — привези мне бутылку морской воды.

Морская вода мне была не нужна, я просто хотел сказать что-нибудь Гарiku. Он ответил, что привезет воды и ракушек привезет. В Анапе, где они будут отдыхать, попадаются интересные ракушки.

Через день к нашему подъезду подкатило такси. И Гарик со своей мамой поехали на вокзал. Я стоял у подъезда, когда они садились в машину. В руках у меня был подарок, который мне дал Гарик на прощание: что-то маленькое и тяжелое, завернутое в синюю бумагу. Дома я развернул его — это оказался не знакомый мне камень — прозрачный, дымчатый, с золотистыми нитями внутри.

МНЕ СКУЧНО

День выдался длинный-преддлинный. Бабушка уже третий день гостит у своей старшей дочери — моей тети. Папа с мамой ушли в мебельный магазин. Может быть, там им попадется книжный шкаф. Потом они, на-

верное, пойдут в гости к своим знакомым. Мама не любит в воскресенье сидеть дома. Она говорит, что с детьми никакого отдыха не может быть. Даже если это золотые, идеальные дети. Мы с Лялькой не золотые и не идеальные. Нас оставляют одних. Считается, что Ляльку оставляют со мной. «Костя, будь старшим братом, — говорит перед уходом мама, — не придирайся к ребенку, не командуй и не доводи ее до слез». Я обещаю. Очень мне надо придирается и командовать. Все равно Лялька к их приходу придумает сто жалоб и будет ябедничать на меня.

С Лялькой оставаться скучно. Она знает, что мне запрещено командовать и поэтому ведет себя нахально. Лазит пальцем в варенье, надевает папину шляпу, потом вдруг заявляет, что хочет есть, и требует, чтобы я варил ей кашу. Я варю кашу. Это моя обязанность. Я делаю это не для Ляльки, а для мамы. У нее выходной день, и я ей стараюсь не отравлять его. Прошлого воскресенья я ей испортил. Случилось это так. Мы остались дома, и мне вдруг пришла мысль нарисовать Лялькин портрет. Уговаривать ее не пришлось: Лялька села на стул, сложила губы бантиком и вытаращила свои зеленые глаза.

— Сиди, — говорю я ей, — по-человечески. Что ты глаза таращишь? Красивей от этого не будешь.

Лялька обиделась.

— Тогда, — говорит, — можешь рисовать сам себя, если ты такой красавец.

Вот и поговори с ней: ей об одном, а она свое.

— Ладно, — говорю, — сиди, Лялька, как хочешь, только потом не обижайся.

Лялька закатила глаза, и я стал ее рисовать. Нелегкое это было дело. Лялька каждую минуту вскакивала, подбегала ко мне и заглядывала через плечо:

— Что тебе, жалко, что ли, нарисовать мне кудри? — приставала она. — Знаешь, как красиво, когда кудри.

И тут меня осенило:

— Лялька! Хочешь быть кудрявой? Не на рисунке, а на самом деле?

Лялька даже взвизгнула.

— Ой! А как это?

— А вот так. Возьмем... гвоздь, накалим его и все твои волосы закрутим этим гвоздем.

Сказано — сделано! Лялька сидела и теперь уже от боли тарашила глаза. Гвоздь, нагретый на плитке, делал свое дело. На правом Лялькином ухе вскопчил волдырь от ожога, часть волос с затылка сгорела на гвозде. Запахло паленым. Но кудрей становилось все больше. Когда последняя прядка свернулась горячим колечком, раздался звонок. Пришла мама. Она очень растроилась и сказала, что я отравил ей весь отдых. Потом она брызгала на Лялькину голову водой и расчесывала гребенкой. А Лялька хваталась за обожженное ухо и уверяла маму, что я это сделал нарочно.

Сегодняшнее воскресенье проходит без всяких происшествий и от этого тянется особенно долго. На Ляльку я не обращаю внимания. Сажу и смотрю в окно. По двору прошла Саламея из третьей квартиры со своей собачонкой на руках. Вот бы достать ей где-нибудь хорошего, породистого щенка! Но, наверное, нормальные собаки ей не нужны. Служебная собака не будет сидеть на подоконнике с бантиком на шее. Один мальчик написал в «Пионерскую правду», что растит собаку для пограничников. Я тоже растил бы. Но я не знаю, где взять щенка. В «Пионерскую правду» ребята пишут еще и про то, как они кого-нибудь спасли или потушили пожар. И еще про то, как они дружат. Из нашего двора никто в газету не пишет. Такой уж двор. Ничего интересного не происходит, а если что-нибудь и случается, то обязательно плохое или глупое.

Недавно я выхожу во двор и направляюсь к ребятам. Они сидели на скамейке и слушали Сеньку. Сенька что-то рассказывал, размахивая руками. Когда я подошел поближе, он поправил очки и поманил меня пальцем:

— Иди, человек, не бойся, я тебя не съем.

Очень уж воображал этот Сенька. Как будто кто его боялся. Я подошел и сел на скамейку рядом с ребятами. Сенька стал что-то бормотать, размахивая руками и вдруг положил свою ладонь мне на голову. Я опешил: что это с ним? А Сенька вдруг заскакал на одной ноге, закрутился на месте и хлопнул меня ладонью по голове.

— Ничего, — сказал я на всякий случай, — если ты псих изображаешь, то немножко получается.

— Сам ты псих, — обиделся Сенька, — ты слышал что-нибудь про гипноз?

— Ну, слышал.

— Так вот, я могу сейчас кого угодно загипнотизировать. Смотри.

Сенька стал страшно смотреть на ребят поверх очков:

— Спите... спите, — говорил он, — вам очень хочется спать. Когда я досчитаю до двадцати, вы все уснете. Раз, два, три, четыре...

Мне стало очень смешно, и я сказал:

— Брось заливать, Сенька.

Сенька зло глянул на меня, продолжая считать. Первым стал клевать Вовка Баженов. Он откинулся на спинку скамейки, сладко зевнул, потянулся и закрыл глаза. И остальные ребята тоже засыпали. Я уже не смеялся. Сенька считал и грозил мне кулаком, чтобы я не лез с глупыми разговорами.

— Двадцать! — громко закончил он и устало потряс руками. — Ну, теперь можете высказываться. А во время сеанса посторонний шум вреден.

Я не знал, что сказать. Сенька стоял и глядел на опавших с видом победителя.

— Ну что, убедился? — продолжал он. — Теперь это уже не мальчишки, а мои рабы и вассалы. Что я скажу, то они и будут делать.

Я хотел спросить у Сеньки, кто такие вассалы, но он вдруг опять стал дико глядеть поверх очков и говорить странные вещи:

— Большая туча пчел показалась на горизонте. Вот они летят, летят... Влетели во двор. Они уже возле вас, кусучие, злые пчелы...

С закрытыми глазами ребята стали отбиваться от пчел. Они размахивали руками, хлопали себя по лицу, ногам, будто и в самом деле их кусают пчелы.

— А сейчас, — сказал Сенька, — я вас угощу чем-нибудь вкусным. Например, мороженым

Он стал говорить им всякие слова про мороженое, а ребята, не открывая глаз, стали его «есть».

— Что, завидуешь? — спросил Сенька. — Хочешь, я напущу на них тигра?

— Разбуди их лучше, — попросил я

Сенька посмотрел на меня, снял очки и громко расхохотался.

— Ох, и дурак ты, Костя.

И ребята на скамейке начали хохотать. Никто из

них, конечно, не спал. Все это они подстроили, чтобы разыграть меня. А я поверил. Они смеялись надо мной долго, пока в воротах не появился Никита Барцев. Никита нес мешок на спине, наверное, очень тяжелый. Только вошел во двор, и сразу бросил его на землю. Потом он помахал нам рукой и снова взвалил мешок на спину.

— Иди, чудака-человек, сюда! — позвал Сенька. — Иди, не бойся, я тебя не съем.

Никита только головой повертел: некогда.

Когда он скрылся в подъезде, я сказал, что Никиту им разыграть бы не удалось, что вообще в нашем дворе самый серьезный и деловой человек — это Никита. Тогда Сенька сказал:

— Ну и валяй к своему Никите. — Потом помолчал и добавил: — Серьезный, деловой, а переэкзаменовку на осень схватил.

КЛАВА

Клаву в нашем дворе никто не замечал. Она перешла в десятый класс и дружила с большими девочками. Часто она сидела на скамейке в нашем скверике и читала книгу или вышивала длинный, как полотенце, лоскут черными нитками. Все на этом лоскуте было черное: и цветы, и листья. Может, у Клавы не было других ниток. Она никогда не приставала к нам с разговорами, и ее тоже никто не задевал. Вышивает свой лоскут, ну и пусть вышивает.

Но вот однажды эта Клава выходит во двор и подзывает меня.

— Мальчик, собери всех ребят, мне надо с ними поговорить.

Я пожал плечами и пошел собирать ребят.

— Вот что, ребята, — сказала Клава, когда мы все подошли к ней, — теперь я у вас буду вожатой. Нам нужно вместе продумать и организовать летний отдых.

Она еще долго говорила. Мы узнали, что в райкоме Клаве дали комсомольское поручение организовать летний отдых пионеров нашего двора. И еще мы узнали, что если не будем активными, никакого летнего отдыха не получится, а Клава получит выговор. Скука у нас до

этого была невыносимая, зла мы Клаве не желали. Поэтому все решили помочь ей.

— Сначала, я думаю, мы остановимся на двух мероприятиях, — сказала Клава.

Говорила она скучно, но мероприятия нам понравились. Особенно тимуровская команда. Мы раньше и не знали, что такая команда — мероприятие. Потом Клава сказала, что у нас будет художественная самодеятельность. Она будет руководить хором. А кто не умеет петь, пусть разучит какой-нибудь стих или танец.

Клава развернула тетрадку и стала нас всех записывать — кого в хор, кого в тимуровскую команду. Все мальчишки пожелали записаться в тимуровскую команду. Но Клава сказала, что это неправильно. Надо, чтобы и девочки там были. И приписала нам двух девочек. Потом она сказала, что вечером состоится репетиция хора, а утром будет заседание тимуровского штаба.

Клава ушла, а мы остались в скверике. Тимуровская команда не могла быть без Тимура. И мы поглядывали друг на друга, думая, кого бы выбрать.

— Вот что, — сказал Вовка, — по-моему, лучше Сеньки не найти. Сенька веселый человек и может всякое придумать.

Вот именно — всякое. Нет, Сеньку никто не поддержал. Чтобы не обидеть его, все свалили на очки. Не может Тимур быть близоруким. И потом Сенька не очень серьезный, его не будет слушаться.

— Тогда Никиту.

Но Никита отказался. Он сказал, что сейчас, как никогда, занят. Тогда решили выбрать Тимуром Вовку.

Против Вовки никто возражать не стал. Решили завтра сказать Клаве, что Вовка у нас Тимур. Потом мы стали мечтать, какая у нас будет тимуровская команда. Во-первых, строгая дисциплина: все носят галстуки, приветствуют друг друга салютом, беспрекословно подчиняются Вовке. Во-вторых, тайна: ни единая душа не должна знать, что помощь оказали тимуровцы. Если надо, то в любое время дня и ночи выходить на задание. Все, как у тех ребят, о которых писал Гайдар. Мы вспоминали, кому в нашем доме нужна помощь. На втором этаже в Сенькином подъезде живет старая одинокая учительница. Если осторожно узнать, в чем она нуждается, то это будет наша квартира № 1. Каждое утро

дворничиха ни свет ни заря поднимается и выходит на работу. Вот будет здорово, когда она увидит, что убирать нечего. Чьи-то таинственные руки уже все сделали. Сенька сказал, что у их соседки через неделю будет день рождения. Но то ли у нее денег нет, то ли она вообще жадная, только отмечать этот день она не собирается. А человеку исполняется 80 лет. Хорошо бы ей в этот день всунуть в дверную ручку букет цветов и поздравительное письмо. Потом мы все вспомнили о ребятах, которые впервые пойдут в школу. О родителях, которые на лето поехали работать в колхоз. Можно им написать письма и подписаться: «Друзья вашего сына» или «Ребята с вашего двора».

Дел кругом тайлось непочатый край. В этот день мы не могли ни о чем говорить, кроме тимуровской команды. Вечером мы пошли смотреть репетицию хора. Клава стояла впереди большой толпы ребят и дирижировала географической указкой.

— Раз—два—три, — строгим голосом говорила она и взмахивала указкой.

Нестройный гул голосов наполнял двор. Слов песни нельзя было разобрать.

— Послушайте, как надо петь, — перебила их Клава и тонким дребезжащим голосом запела:

«Под сосною, под зеленою
Спать положите вы меня...»

Хор стал петь тихо, но до того тоскливо, что вокруг становилось сразу скучно. Зато на припев набрасывались так яростно, что Клава уж ничего не могла поделать.

«Калинка, калинка, калинка, моя,
В саду ягода малинка, малинка моя».

Из окон выглядывали удивленные лица. Но запретить шуметь никто не мог. Это было не простое пение, а мероприятие. Целых два часа репетировал хор. Незаметно все опустились на траву. Было смешно смотреть, как малыши в первом ряду, вытянув шеи и раскачиваясь в такт, тянули песню. Только Клава продолжала стоять и без усталости махать указкой.

Не знаю, как кто спал в эту ночь, но я долго не мог уснуть. Сны снились тревожные.

Когда я утром вышел во двор, то увидел, что почти вся наша тимуровская команда уже в скверике. Скоро

пришла и Клава. Она проверила нас по списку и похвалила за аккуратность. Мы ждали момента, чтобы рассказать о своих планах, но не дождались. Клава раскрыла другую тетрадку и заявила:

— Ребята, вы знаете, что всякая работа должна вестись по плану. На сегодня в плане у нас два мероприятия: уборка скверика и помощь семье Скворцовых.

Почему-то в этот раз мероприятия показались нам мало интересными. Клава поделила нас на две группы. Ту, что побольше, послала к управдому за метелками и лопатами, а вторую, поменьше, повела в квартиру Скворцовых.

Старуха в желтом платочке встретила нас приветливо. Девочкам она дала ведро и тряпки, Никиту послала в магазин, а мне поручила трех малышек.

— На старом месте, — начала она рассказывать, — я и горя не знала. Ко мне что ни день тимуровки приходили. Все тебе вымоют, приберут. Только обедом я и занималась. Нешто такие сварят обед!

Старуха вдруг закричала на девочек:

— А под кроватью кот серый за вас мыть будет?

Девочки были в чистых платьях, но под кровать все-таки полезли. Тут вернулся Никита с хлебом. Старуха пересчитала сдачу, спросила, почем покупал, и вручила ему помойное ведро. Никита поглядел на меня, нерешительно взял ведро и вышел.

Мои малышки вели себя хорошо. Самому маленькому было года два. А старшему пять лет. Звали его Алешей. Я понял, что совсем не нужен им. Алеша играл с ними, и они признавали только его. На меня малыши совсем не обращали внимания.

Часа через два старуха оказала:

— А сейчас идите домой. Сейчас хозяева обедать придут. Завтра приходите пораньше, будем делать генеральскую уборку.

Так и сказала — «генеральскую».

В скверике было тоже не весело.

— Клумбу, клумбу подравняйте! — командовал управдом. — И вон ту дорожку тоже переметите, мусор ослался.

Мы стали помогать ребятам и быстро закончили уборку скверика. Управдом собрал метелки и лопаты и, ничего не сказав, направился в свою контору.

— Как ты думаешь, зачем он здесь был? — спросил у меня Вовка.

Я не знал.

— Лопаты свои караулил, чтобы не украли, — ответил Сенька.

Вечером мы не пошли слушать репетицию хора. Но по слабому писку, доносившемуся из сквера, понятно было, что собрались одни малыши.

На следующее утро Клава снова раскрыла свои тетрадки.

— На сегодня у нас по плану тоже два мероприятия. Часть ребят идет к Скворцовым, а другая будет проводить уборку в первом подъезде.

Мы помолчали, потом Сенька спросил:

— Скажи, Клава, а у Тимура тоже план был?

Клава задумалась.

— Тимур — это образ. Образ в художественном произведении. А в жизни без плана нельзя.

И тут случилось неожиданное. В скверике появилась Вовкина бабушка.

— Что же это такое? — напала она на Клаву. — У Скворцовых домработница моложе меня на десять лет, так ей еще тимуровскую команду подавай. А я собственного тимуровца не заставлю тарелку за собой вымыть. Как это у вас называется?

Клава покраснела, заморгала ресницами, длинный лоскут с черными розами упал на траву. И тут бабушка подобрела. Она подняла вышивку, посмотрела ее и чмокнула губами:

— Ах, какая замечательная дорожка! Художественное изделие! Да ты, Клавочка, талант!..

Бабушка стала расспрашивать, как она вышивает, где достала узор, а мы, не теряя времени, потихоньку убрались из сквера.

МАРМЫШКА

Я сижу на диване и делаю вид, что читаю книгу. Со мной никто не разговаривает, только Лялька что-то показывает глазами. Я не обращаю внимания на Ляльку.

— Когда человек не понимает, что ему хотят добра, — говорит папа, — то надо к нему применять кру-

тые меры. Я в такие годы не занимался глупостями. Меня поролли за самую невинную детскую шалость...

Мама молчит. Она понимает, что все это говорится специально для меня. Все, о чем говорит папа, я давно знаю. В мои годы он со своим отцом сплавлял лес по рекам, пас лошадей, а зимой ходил в школу за семь километров. Семь километров туда и семь километров обратно. В школе им давали хлеб и чай с сахаром. И этот хлеб и чай папа запомнил на всю жизнь, потому что тогда был голод. Папа считает, что теперешние дети ничего не ценят, так как все в жизни им достается легко. Об этом он говорит со всеми, и все с ним соглашаются. Только от этих разговоров ничего не меняется.

Самые крутые меры, которые применяют ко мне, — это не пускают на улицу. Улица меня портит. Там я набираюсь всяких слов, рву штаны и попадаю во всякие глупые истории. Самая глупая история произошла несколько дней назад. Мы сидели на скамейке и говорили про собак. Сенька сказал, что все собаки от рождения умеют плавать. Брось в воду хоть самого грудного щенка, и он поплывет. Я на этот счет ничего не знал, но зачем-то стал спорить. Я сказал, что не все, а только породистые, служебные. «Спорим?!» Я поспорил. И тут на глаза нам попала Мармышка — крошечная белая собачка из третьей квартиры. Мармышка никогда не выходила во двор одна. Мы ее всегда видели на подоконнике. Она сидела там, и кто не знал ее, никогда не подумал бы, что это живая собачка. Ростом — не больше котенка, а на шее — голубой с белыми горошками бант. Этот бант ей завязывала Саламея — Мармышкина хозяйка. Саламея очень любит наряжаться, и о ней все говорят, что она одевается не по возрасту. Она уже очень старая, но из-за нарядов никто не зовет ее бабушкой, только по имени и отчеству. Мы тоже зовем ее в глаза Саламеей Ивановной, а за глаза Саламеей. Обычно по утрам Саламея с Мармышкой на руках уходила гулять на городской пруд. Но в это утро почему-то не пошла, и Мармышка одна вышла во двор. С такой собачкой не надо было связываться. Когда мы ее взяли и понесли к Сеньке домой, она уже заранее начала дрожать и скулить, будто мы собирались ее утопить. У Сеньки дома никого не было, мы налили полную ванну воды и опустили туда Мармышку. Сенька вы-

играл спор. Все собаки от рождения умеют плавать. Даже Мармышка. Перебирая лапками, она плыла от одного края ванны к другому. Бант у нее намок, шерстка стала серой, а сама Мармышка стала похожа на крысу. Кто-то показал Саламею, куда мы унесли собачку. Она ворвалась в ванную в тот самый момент, когда Сенька уже вытаскивал из воды собачку.

— Ничтожный мальчишка! — набросилась на меня Саламея, хотя нас в ванной было пять человек, и Мармышку держал в руках Сенька, — я этого так не оставлю, я призову тебя к ответу!

Я обиделся. Почему только меня?

— Сенька, — спросил я, когда Саламея, хлопнув дверью, оставила нас, — почему она на меня одного взъелась?

Сенька поправил очки и поглядел в сторону.

— Кто ее знает?

— А ты не расстраивайся, — сказал мне Вовка Баженков. — Подумаешь, беда какая! Высохнет ее Мармышка, и дело с концом.

Но конец в этой истории оказался очень плохим. Мармышка после купания заболела воспалением легких и на третий день умерла. Я нес из магазина хлеб, когда мне сказали об этом.

— Беги домой, Костя, — сказал мне Вовка, — и подготовь своих родителей. Саламея к вам собирается.

Только он это сказал, как из подъезда вышла Саламея. Надо было срочно что-то делать, и я бросился ей наперерез.

— Саламея Ивановна, мне надо с вами поговорить.

Саламея поглядела на меня заплаканными глазами, но остановилась.

Я сморщил лоб, стал шмыгать носом, будто вот-вот заплачу, и начал просить:

— Саламея Ивановна, ну что вам, легче будет, если вы пожалеетесь моим родителям? Пожалуйста, не ходите. У мамы больное сердце, ей нельзя волноваться.

Я говорил и чувствовал, как мне самому становится противно от этих слов. На Саламею они не подействовали.

— Нет, я схожу к ним, — сказала она, — пусть они узнают, какое сердце у их сына.

Я перестал морщить лоб и крикнул ей вдогонку:

— Собака вам дороже человека!

Папы дома не было. Когда я пришел, мама позвала меня.

— Костя, иди сюда!

Я подошел и сел на краешек дивана, на котором она лежала. У мамы было печальное лицо, и глаза смотрели мимо меня.

— Я не буду тебя ругать, — сказала она, — я просто боюсь, что ты вырастешь жестоким человеком.

Я этого не боялся и поэтому прямо сказал, что пусть она не волнуется, жестокий человек из меня не растет. И вообще, была бы Мармышка настоящей собакой, тогда и стоило бы из-за нее переживать. И еще я сказал, что над Саламеей все смеялись из-за Мармышки, а теперь смеяться не будут.

Мама молчала. Я подумал, что может быть на самом деле расту жестоким и стал представлять Мармышку, как она сидела на подоконнике и глядела во двор. Я старался притвориться перед собой, будто мне жалко ее. Но на самом деле никакой жалости в моем сердце не было. Я опять пошел к маме.

— Ты хочешь, чтобы я врал? Но я еще раз повторяю, что этой собаки мне не жалко.

Мама поднялась с дивана и села рядом со мной.

— Не в собаке дело, — сказала она, — пойми, Костя, меня страшит то, что вырастешь ты каким-то маленьким, бескрылым человеком. Если бы ты попал в беду из-за какого-то большого дела, я так не огорчилась бы. Есть мальчишки, которые что-то строят, придумывают, мечтают. Случается, что они при этом что-то портят, огорчают взрослых. Но у таких ребят — мечта, какая-нибудь большая затея. Ты понимаешь?

Я не знал, что такое бескрылый человек, но понимал маму.

ЮЛЯ

Она появилась в нашем дворе рано утром. Обыкновенная небольшая девочка в синем сарафане. Может быть, никто бы не обратил на нее внимания, если бы не ее косы. Темные, без ленточек, до того длинные, что ни один мальчишка не осмелился дотронуться до них. Де-

вочка ходила по двору и делала вид, будто не замечает наших любопытных взглядов. Почему-то сразу она мне не понравилась. Ходит, как хозяйка, везде заглядывает. Камнем прицелилась и сразу попала в basketбольную корзинку, потом подняла какую-то веревку и стала прыгать, как через скакалку. Вот, мол, какая я ловкая! Когда она присела возле клумбы, я не выдержал:

— Эй ты, с косами! — крикнул я. — Цветы не трогай! Она выпрямилась, посмотрела на меня в упор и, будто знает меня давно, спросила:

— Это разве твои цветы, моряк?

Все засмеялись, а я вдруг почувствовал, что на мне старая матроска. Рукава еле локоть закрывают, на груди заплатка. Мама нарочно все эту матроску стирает, чтоб донашивал скорей.

Очень меня обидела эта девчонка. Встал я со скамейки, подошел к ней, руки за спиной сжал, чтобы страшной было, и спрашиваю:

— А ты, интересно, кто такая?

Все притихли, ждут: что будет? Мальчишки на скамейке, девочки у калитки замерли. А эта, незнакомая, смотрит на меня, за косу держится — и ни слова.

— Что, — спрашиваю, — испугалась? Сейчас же убираться отсюда, в двадцать четыре секунды!

Про двадцать четыре секунды — это я у нашего управдома научился. Он всегда так говорит, когда мы у него что-нибудь просим.

Только она не обратила внимания на эти слова, закинула косу за плечо, присела и снова стала что-то колдовать над клумбой. А ребята на скамейке кричат:

— Не подходи к ней, Костя, держи дистанцию, а то она тебя побьет.

У меня уж тут выхода никакого не оставалось. Подошел я к ней и толкнул на клумбу. И тут случилось то, чего я никак не ожидал. Что-то мягкое больно стукнуло меня по голове, и комья земли посыпались по моему лицу, за воротник, к ногам. Громкий смех раскатился по двору. Открыл я глаза, вижу: девчонка уже далеко. Лица мне ее не видно. Только понятно, что смеется она: косы так и прыгают по спине.

Ребята мне потом объяснили, чем она меня огорчила. Возле клумбы торчала старая, прошлогодняя ножка от подсолнуха. Схватила она эту ножку, выдернула

из земли — и с размаху прямо корневищем по моей голове...

Но хуже всего, что мой друг Вовка Баженов вдруг вступился за нее.

— Зря ты ее, — говорит, — толкнул. Она хорошее дело делала, а ты наскочил.

Оказывается, она траву ненужную вырывала с клумбы. Кто же это знал?

Пошел я домой. Пообедал. Сел на окошко и смотрю во двор. Вижу, ребята опять на скамейке сидят, и девочка с косами в синем сарафане стоит. О чем говорят — не слышно. Только мне удивительно стало, что мальчишки с ней разговаривают. Слез я с подоконника и решил к окошку не подходить и о девочке этой больше не думать. Может, она вообще на один день к кому-нибудь в гости приехала. Может быть, ее уже нет.

Подхожу опять к окошку. Во дворе сумерки. На скамейке никого уже нет, а над волейбольным полем мяч летает, шумно, весело. Не выдержал я тут. Снял матроску, натянул новую рубашку на всякий случай, если девочка не уехала, — и к ребятам. Спускаюсь по лестнице и думаю: «Где же они сетку достали? Неужели управдом сдержал слово?»

Подошел к площадке и вижу: никакой сетки нет, просто натянуты две веревки: одна вверху, другая пониже.

— Костя, будь судьей! — попросили ребята.

Я согласился. Подозвал Вовку и спрашиваю:

— Это кто же придумал так здорово?

— Это Юля, — отвечает Вовка.

Не успел он ответить, подходит она. (Я сразу догадался, кто эта Юля).

— Послушай, судья, — говорит она, — у нас такое правило: чья команда мяч между веревками забьет — теряет очко.

Влез я на дерево, сужу. Проходит несколько минут, подбегает ко мне Вовка.

— Так нельзя! — кричит. — Ты нечестно судишь. Все время подыгрываешь Юлькиной команде.

Тут меня зло взяло.

— Во-первых, — отвечаю, — не Юлькиной, а Юлиной. А, во-вторых, поучись сначала у нее играть.

Не успели мы третью партию закончить, как со всех окошек послышалось:

— Коля, Никита, Женья, домой!..

Не стал я дожидаться, пока меня позовут, и слез с дерева. Иду к своему подъезду, вижу: Юля меня обгоняет. Наши квартиры случайно в одном подъезде оказались. Только ее — на втором этаже, а наша — на четвертом. Подошла она к своей двери, остановилась и смотрит на меня. А мне вдруг стыдно стало. Быстро мимо нее прошел и бегом по лестнице вверх. А она мне вслед кричит:

— Постой! Это, кажется, ты меня днем толкнул?

Я молчу.

— Так вот что. Давай будем считать, что этого не было.

— Хорошо, — отвечаю, — будем.

Тогда она мне говорит:

— Мы завтра все на речку идем. В шесть утра. Ты пойдешь?

В душе я очень обрадовался, но виду не показал.

— Все ребята пойдут, — продолжала Юля. — Доски с собой возьмем, наволочки, будем плавать учиться.

— Мне доски и наволочки ни к чему, — объясняю ей. — Лучше меня один Вовка плавает.

Юля засмеялась:

— Еще бы! Моряку — да не плавать!

Тут ей как раз дверь открыли, и я не успел ничего ответить. Только радостно мне стало, что такая девочка появилась у нас во дворе.

НИКИТА

Я поднялся утром еще до того, как зазвонил будильник, открыл дверь на балкон и сделал гимнастику. Я не привык так рано вставать, поэтому, видно, не совсем соображал. Сонное состояние мешало мне понимать, что происходит. Только когда я умылся и вернулся в комнату, я увидел, что случилось самое ужасное: шел дождь. Конечно, никто не выйдет во двор в такую погоду, ни о какой речке не может быть разговора. Я снова лег в постель, уставился в потолок и подумал: до чего ж не везет ребятам с нашего двора. Незаметно я уснул. Меня разбудил будильник. Он трезвонил, как пожарная

машина, и я со злостью надавил кнопку, чтобы он замолчал. Сон прошел. Я почувствовал, что больше не усну, и взял книгу. Наверное, и Юля сейчас злится на дождь не меньше меня. Я стал читать во второй раз «Путешествие на Конттики». Читал и вздыхал: «Какие у людей бывают путешествия и приключения! А тут проживешь всю жизнь и ничего с тобой не случится». В открытую балконную дверь с порывом ветра влетел ком земли. Он упал на пол и рассыпался. Я соскочил, чтобы закрыть дверь, и тут маленький камешек ударил меня в плечо. Накрыв голову газетой, я вышел на балкон и увидел Юлю, Сеньку и Вовку. Они махали мне руками и прикладывали палец к губам, чтобы я не подавал голоса. В две минуты я оделся, схватил бабушкин зонтик и спустился к ним.

— Я не проспал, — сказал я ребятам, — посмотрел — дождь, ну и подумал, что никто не выйдет.

— Подумал, подумал... — передразнил меня Сенька. — Раз договорились — значит железно.

Мы стояли в подъезде и не знали, что нам делать.

— Пойдемте к Никите, — вдруг предложил Вовка.

Мы переглянулись. Мать Никиты три дня назад увезла «Скорая помощь». Он жил один. К нему можно было пойти в такую рань. Я отдал свой зонтик Юле, но она не стала раскрывать его, а вместе с нами побежала под дождем к Никитиному подъезду. Мы постучали тихонько, чтобы не разбудить соседей, и очень обрадовались, когда нам открыл Никита. Он удивленно посмотрел на нас и провел в комнату. Юлю он видел в первый раз. В комнате был беспорядок. На столе рядом с грязными тарелками и сковородкой стоял разобраный приемник. Видно было, что Никита спал не раздеваясь и не разбирая постели. Мы сразу набросились на приемник и стали задавать всякие вопросы, но Юля перебила нас. Она спросила у Никиты про его маму. И тут мы узнали, что мама Никиты работала диспетчером в автобусном парке, что зовут ее Клавдией Васильевной и болезнь у нее очень тяжелая: острый ревматизм ног. У Юли был талант разговаривать с мальчишками. Никита разговаривал с ней, как со старой знакомой. Мне очень хотелось, чтобы Юля забыла вчерашний случай, когда я ее толкнул на грядку. Хотя мы и помирились, все-таки она по-прежнему, как я поступил.

— Ребята, — сказал я, — давайте вымоем Никите посуду и уберем в комнате.

Но Юля не поддержала меня.

— Посуда — чепуха! Тут дело серьезное.

И она стала спрашивать у Никиты, сколько у него денег, что он ест и носит ли маме передачи. Денег у Никиты не было. В больницу он носил только записки. Во всем был виноват приемник, который он никак не мог исправить. А испорченный кто же купит!

Мы сидели и слушали. Сенька протирал свои очки, и руки его дрожали. Когда Никита вышел на кухню, Сенька зашептал:

— Если каждый человек в нашем дворе даст рубль, наберется рублей двести. И приемник продавать не надо. Пойдем по квартирам и насобираем.

— Мы не нищие просить по квартирам, — ответил Вовка. — Тут надо подумать.

Думать было трудно. Ни у кого из нас денег не было.

Никиту мы мало знали: он редко играл с нами во дворе. Вечно он куда-то бежал, торопился. Мы знали, что у него на осень переэкзаменовка по русскому, но не знали его жизни. Оказывается, ему некогда было с нами играть. Мама у него часто болела, и все хозяйство лежало на нем. За городом у них был огород. Картошку посадил им местком, а окучивать ее по воскресеньям местком не стал. И туда ездил на электричке Никита. Я не знал, что такой местком. Но Никита часто произносил это слово. Местком приносил ему путевку в пионерский лагерь, но Никита отказался: пока мама в больнице, он никуда не поедет.

Когда мы уходили, Никита сказал нам:

— Спасибо, что зашли.

И хоть мы ничем ему не помогли, мне показалось, что мы сделали что-то хорошее.

Дома меня ожидал нагоняй.

— Где это ты валандался все утро? — набросилась на меня бабушка. — И откуда на полу грязь? И где зонтик?

Я зашел в комнату. Вымытый пол в ней блестел. Папа был прав. Я не умел ценить своей жизни. Из кухни вкусно пахло пирожками. Бабушка пекла их с картошкой и с луком и складывала горкой на блюде. Я сел за стол, придвинул к себе блюдо и разломил пирожок. Он

оказался с луком. Я подумал, что хорошо бы сейчас отнести часть этих пирожков Никите. Зонтик я забыл у него, можно было бы как будто за ним прийти. Но бабушка ходила по квартире злая, и я побоялся говорить с ней об этом.

После завтрака Лялька подала мне письмо. Я обрадовался. Письмо было от Гарика. «Здравствуй, Костя, — писал Гарик. — Сидим у моря и ждем погоды. Мама говорит, что если дождь не перестанет, мы уедем домой. Пусть бы он не переставал. В Анапе никаких новостей нет. Здесь очень много детей, но я ни с кем не подружился. Мама отбирает книжки, говорит, что я становлюсь от них зеленый. Напиши мне, что нового у вас во дворе, чем занимаешься ты? Марину мама поселила в третьей квартире у Саламеи Ивановны. Сходи к ней, передай от меня привет. Эта птица все понимает. От папы получил открытку. К нашему приезду он постарается взять отпуск. Я написал ему о тебе.

До свиданья. Гарик.

Р. S. Отвечай сразу, а то отложишь и забудешь».

Как много я все-таки не знал! Что такое «Р. S.»? Я установился на этот знак, как будто в нем было зашифровано что-то таинственное. Писем я ни от кого никогда не получал, «Р. S.» подействовало на меня, как гипноз: я схватил лист бумаги, ручку и стал писать ответ. Не успел я написать: «Здравствуй, Гарик», как в дверь застучали со страшной силой. Лялька и бабушка бросились открывать. На пороге стояли Сенька и Вовка. Они поглядели на бабушку, взяли себя в руки, и Вовка сказал:

— Костя, можно тебя на минутку?

Я вышел. По их лицам можно было догадаться, что случилось что-то важное.

— Костя, — перебивая друг друга, начали они, — выход найден! Надо собирать лом. Тонна стоит семьдесят рублей. Ты понимаешь, если собрать всю нашу вшивую тимуровскую команду, сколько можно набрать!

Я вдруг понял, о чем они говорят.

— Никите?

И мы побежали собирать ребят.

Не знаю, почему, но мы не говорили родителям о своих делах. Наверное, боялись, что к нам опять приставят Клаву, и она со своим скучным лоскутом наго-

нит на нас тоску. Мы разбились на пятерки и начертили план улиц. Каждая пятерка должна была собирать лом на своей улице. В нашу пятерку вошли Юля, Сенька, Вовка, Дима Портнов из третьей квартиры и я. В первый же час нам повезло. Мы нашли кровать. Хозяйка повела нас в подвал и сказала:

— Забирайте, ради бога, эту бандуру. Может, и кресло заберете?

Из кресла в разные стороны торчали пружины. Мы не стали связываться с креслом. Пружин в нем было копеек на сорок, а возни на целый час. Мы потащили кровать. На улице мы кричали прохожим: «Берегись!» и нам уступали дорогу. Мы делали полезное дело, — люди это понимали.

За сараями у нас был выставлен пост, который должен был охранять металлолом. Когда мы принесли кровать, там уже оказалось много всяких железяк. Увидев нас с кроватью, часовые закричали «ура!» К нам подошел управдом.

— Наконец-то занялись делом, — сказал он, и мы ему простили все прежние обиды.

Кровать была именинницей до утра. Но утром другая пятерка притащила дрявяную трубу, перед которой наша кровать померкла. Нам в этот день не везло. Одна старуха, выслушав нас, запричитала:

— Только вас мне и не хватало. В прошлом году мой Колька чуть уютит новый из дому не утянул, а теперь вы!

Мы не стали смеяться над Колькой. Скорей всего ему так же не везло, как и нам в этот день. Мы пошли дальше. Дима Портнов жил в одной квартире с Саламеей. По дороге я спросил у него:

— Ты сороку у Саламеи видел?

Сорока была жива и здорова. И я попросил Диму передать ей привет от Гарика.

К вечеру мы все-таки натолкнулись на лом. Правда, мы забрались совсем на другую улицу, но она вообще была ничейная: в плане не значилась. Усатый железнодорожник пропустил нас в депо. Нам разрешили собирать только самые мелкие железки, так как рабочие депо сами сдают лом. Но мы и этому были рады.

Все-таки без взрослых нам обойтись не удалось. Когда за сараями выросли три горы — мы задумались: как же с ними быть? На приемном пункте нам сказали, что

транспорта нет. Вот тогда Вовка Баженов и пошел к своему отцу. Он рассказал ему о Никите, о том, что мы за три дня собрали тонн десять и теперь эти тонны пропадают ни за что. Вовкин отец пообещал помочь нам.

Десяти тонн мы не собрали. Три горы вытянули семь тонн. Нам выдали квитанцию и деньги.

Никита не хотел брать денег. В приемнике горел зеленый глазок, и он объяснил нам, что обойдется без наших денег. Мы обиделись. Мы положили ему деньги на стол и ушли.

Все-таки о наших делах узнали. Назавтра меня, Сеньку и Юлю вызвали в райком комсомола.

СЕРЕЖА

В райкоме за письменным столом с двумя телефонами сидела девушка в красном платье. Она была тут самая главная. Когда звонил телефон, она брала трубку и говорила: «Извините, ребята. Моткова слушает». Ей звонили очень часто, и она каждый раз просила у нас извинения. «Зовут меня Дина Ивановна», — сказала она нам, но все, кто заходил или заглядывал в кабинет, звали ее просто Диной. Мы рассказали ей про Никиту и про то, как собирали лом.

— А Никита вместе с вами собирал? — спросила Дина Ивановна. Мы ответили, что нет. И тут мы от нее узнали, что допустили ошибку. Человеку в беде нужны не только деньги, но и еще очень многое. Никита должен был в нас увидеть друзей, которые всегда рядом, а увидел только деньги.

— Вы согласны со мной? — спросила Дина Ивановна, и мы ответили, что согласны. Она нам понравилась. И если бы она не сидела за столом, на котором каждую минуту звонили телефоны, мы рассказали бы ей больше.

Мы уже поднялись, чтобы уйти, но тут опять зазвонил телефон.

— Сережа? Здравствуй, милый человек! — сказала Дина Ивановна в трубку и кивнула нам, чтобы мы остались. — Я сейчас с ребятами здесь. Хорошие ребята. Тебе могут пригодиться. Лом собирали. У мальчика, одного мать заболела, так они лом собрали и деньги маль-

чику отдали. Одним словом, тебе стоит с этими ребятами познакомиться.

Тут она стала диктовать ему наш адрес, а потом объяснила, что это звонил корреспондент комсомольской газеты и что сегодня он, возможно, придет к нам.

Мы обрадовались. По дороге мы говорили о корреспонденте и вспоминали фамилии ребят, которые больше всех собрали лома. Если о нас будут писать в газете, надо, чтобы все было справедливо.

Я прибежал домой и сказал всем, что сегодня придет корреспондент. Бабушка стала мне гладить рубашку и велела вымыть уши. Лялька ходила, умирая от любопытства, не зная, кто такой корреспондент. Даже папа — и тот заинтересовался и стал спрашивать, что мы такое сделали.

После обеда все ребята вышли во двор и стали прогуливаться, дожидаясь корреспондента. Никто ни во что не играл. Сенька и Вовка стояли у ворот. Все ждали. Я заметил, что Никиты во дворе не было. Наверное, он поехал в больницу.

В ворота входили разные люди, но корреспондента не было.

— Наверное, не придет, — сказали Сенька и Вовка, покидая ворота.

Мы приуныли. Всем стало обидно. «Ми-лый че-ло-век», — сказала нараспев Юля, и мы разозлились на этого «милого человека». Сенька сел на скамейку, взял палку и стал «играть» на ней, как на балалайке, и петь:

Жил-был милый человек,
Скрыенные ножки.
И гулял он целый век
По скрыенной дорожке.

Все стали ему подпевать.

— Что ж это за песня такая? Никогда не слышал, — раздался веселый голос.

Мы оглянулись. Позади нас стоял маленький парень, чуть больше Сеньки, с портфелем в руках.

— Это мы песню про корреспондента поем, — ответила Юля. — Ждали его, ждали, а он не пришел.

Парень бросил портфель под скамейку, сел рядом и попросил:

— Ну-ка, спойте еще раз.

Мы запели, но все время смеялись, и у нас ничего не получилось.

— Ну что ж, песня веселая, — сказал парень, — я не обижаюсь.

Мы догадались и смутились. Сенька даже отошел в сторону.

— Извините, пожалуйста, — сказала Юля, — мы ведь не знали, что это вы.

— Чепуха! Пойте на здоровье! — Корреспондент ничуть не обиделся.

— Я ведь к вам зашел просто по пути. Про ваш благородный поступок уже знаю, но писать о нем не хочется.

Он подозвал пальцем Сеньку, снял с него очки и надел на себя:

— Ну, как, а теперь похож на корреспондента?

В очках он стал сразу старше своих лет, а когда снял их, опять стал, как мальчишка. Налезая друг на друга, мы окружили его.

— Сделали вы хорошее дело, — говорил он, — ну и молодцы! Сами собой и гордитесь. А то на днях в редакцию письмо пришло, пишет мальчик: «Каждый день я совершаю что-нибудь хорошее: позавчера рубль в магазине нашел — кассирше отдал, вчера — бабушку через дорогу перевел...» Вот поэтому мне и не хочется о вашем благородном поступке писать. Поступок просто товарищеский, иначе и нельзя было. Правильно?

И когда мы ответили, что правильно, он сказал:

— Значит, будем друзьями. Зовите меня Сережей.

Сережа мог каждую секунду встать и уйти, мы это вдруг все почувствовали и испугались. Нам не хотелось, чтобы он уходил. И мы стали засыпать его вопросами.

— А как добиться того, чтобы все ребята во дворе дружили? — спросил Вовка.

— Надо дружить, — пожав плечами, как будто удивляясь вопросу, ответил Сережа. — «Хочешь иметь друга — будь им». Эту пословицу полезно знать.

Он все знал. Мы в это поверили после того, когда он по чертежу на песке объяснил нам, как действует в полете многоступенчатая ракета. Я начертил на песке «Р. S.». Этот знак оказался совсем не таинственным. Сережа объяснил, что это означает «После всего написанного».

— Хороший вы народ, — сказал Сережа, поднимаясь со скамейки. — Вам бы вожатого боевого — горы своротили бы.

И тут Катя Забелина, тихоня и самая неактивная из всех девочек, взяла его за рукав и своим тихим голосом сказала:

— Будьте у нас вожатым.

Мы замерли. Мы боялисьдохнуть. Сережа нагнулся, достал портфель из-под скамейки и тоже молча поглядел на нас. Я боялся, что он вдруг откажется или скажет: «Я подумаю». Но он не подвел.

— Хорошо, — сказал он, — завтра в семь утра у этой скамейки пусть соберется весь отряд.

В. В. С.

Я не стал заводить с вечера будильник. Когда меня ждет радость или хорошее дело, я никогда не просплю. Хотя папа говорит, что у меня в каникулы все дни воскресенья, завтрашний день и в календаре был отмечен красной цифрой.

Вечером я сказал маме, что завтра ей никто не будет отравлять отдыха. Пусть Лялька идет с ними в мебельный магазин. У меня свои дела, поважней Лялькиной каши.

Я был счастливый и гордый. И мама все поняла и не обиделась на мои слова.

Утром мы собрались у скамейки. Сережа пришел без портфеля, поглядел на нас и сказал:

— Знакомиться не будем. Все равно всех сразу не запомню.

Потом он сел на скамейку и улыбнулся. Никто не сказал ничего смешного, а он улыбался. И мы тоже заулыбались. Тогда Сережа засмеялся.

Мы стали оглядываться. Может быть, он что-нибудь увидел смешное? Потом мы его поняли. Он сказал:

— Не удивляйтесь, ребята, я сам над собой смеюсь. Вот собрал вас всех здесь, а что делать с вами дальше, не знаю.

Все взрослые знают, что надо делать с детьми. Особенно, если это не их собственные дети. А этот не знал. И мы ему помогли.

— Пойдемте куда-нибудь, — сказала Юля, — в парк или за город.

Мы ушли со двора. У нас не было денег, и трамваи обгоняли нас, хотя нам с ними было по пути. По дороге мы придумали игру. Сенька подбросил вверх тюбетейку, и каждый старался ее поймать. При этом нельзя было останавливаться, а ловить ее на ходу. Юля шла рядом со мной. Она была выше меня ростом и прыгала лучше. Три раза подряд перехватывала тюбетейку. Она бы поймала ее и в четвертый раз, но все налетели друг на друга, тюбетейка упала на тротуар прямо к моим ногам. Я поднял ее и подал Юле. И тут позади меня раздался ехидный Сенькин голос: «Понятно»...

Когда эта игра надоела нам, кто-то спросил:

— Сережа, а в каком институте учат на корреспондентов?

Сережа стал нам рассказывать о себе. Он института еще не закончил, учится заочно на инженера. А в редакции стал работать случайно. Однажды послал туда стихотворение и ему прислали письмо: «Уважаемый товарищ, просим вас зайти в редакцию». Сережа пришел. Он летел туда, как на крыльях, думал, что написал гениальное стихотворение. А ему сказали, что оно никуда не годится. Сережа приуныл, но девушка, которая его вызвала, сказала, чтобы он не огорчался. Стихи в редакцию приходят пачками, но ни одно из них нельзя напечатать в газете, потому что их пишут не поэты, а графоманы. Написать хорошее стихотворение — очень трудное дело, а некоторые люди этого не понимают. Они подбирают рифмы без всякого труда — «С добрым утром, тетя Клара, вам привет из Краснодара», — и думают, что это стихи. В редакциях с такими людьми мучаются, потому что эти люди не могут отличать хороших стихов от плохих, а научить их этому невозможно. Сережа не был настоящим графоманом и не обиделся на девушку, которая ругала его стихотворение. На прощание она попросила его написать в газету о своем заводе. Сережа согласился и написал заметку о своем товарище рационализаторе. Заметку эту напечатали. «И с той заметки, — сказал Сережа, — и пошло, и пошло. Не думал, не гадал, а стал корреспондентом». В газету может написать каждый и каждого могут напечатать. Но в газетах есть и специальные люди — корреспонденты, которые

только пишут и поэтому называются штатными сотрудниками. Сережа стал штатным сотрудником в отделе писем.

— Хуже всего, — сказал Сережа, — когда приходят письма без подписи. Такие письма называются анонимными. Автор такого письма чаще всего жалуется или клеветает. Хочет кому-нибудь сделать неприятность, а сам трусит. Боится фамилию свою написать. Но есть и просто скромные люди. Вот уже второй год в редакции пытаются разыскать одного человека, который сообщает в газету хорошие новости и подписывается — В. В. С. Кто он такой, чем занимается — никто не знает.

Нас очень заинтересовал В. В. С. Мы стали гадать, кто он такой. Скорей всего В. В. С. — это инициалы — имени, отчества и фамилии. Но разве отгадаешь? Сколько бывает имен и фамилий на одну букву!

— Однажды мне даже лично пришло от него письмо, — сказал Сережа. — Он написал: «Напрасно вы разыскиваете меня. В. В. С. — это не инициалы. А Вы, Сережа, вместо того, чтобы тратить время на поиски таинственного человека, лучше бы учили сопромат, ведь 6 мая у вас экзамен. В. В. С.».

— Он, наверное, работает у вас в редакции, — сказал Сенька.

— Может быть, — пожал плечами Сережа, — но в редакции ни одна душа не знала, какого числа у меня экзамен. Я сам узнал накануне.

Мы подошли к парку. Главные ворота его были закрыты, и мы пошли в обход. Парк открывался только в 12 часов. В конце забора железные прутья были раздвинуты, и мы по очереди протиснулись через них. В парке было раздолье. Мы бегали по дорожкам, кричали, догоняли друг друга. Сережа сидел на скамейке и о чем-то договаривался с Сенькой. Когда я подошел, они замолчали.

— У нас секрет, — сказал Сенька, — потом узнаешь. Я обиделся и сказал:

— Очень мне нужно знать.

— Не обижайся, — Сережа поднялся и положил мне руку на плечо, — завтра я уезжаю в командировку по срочному заданию. Очень не вовремя эта командировка. Во-первых, вас бросать не хочется — только ведь по-

знакомились. А во-вторых, не выполнил я одного дела. Вот об этом деле мы и толкуем с Семеном.

Сеньке это не очень понравилось, но Сережа рассказывал мне, в чем заключается одно дело. В нашем новом доме живет герой. У него нет золотой звездочки, но он тоже Герой Советского Союза. Всю войну он провёл солдатом и награжден орденами Славы трех степеней: первой, второй и третьей. Такие награды редко у кого есть. Известно, что его зовут Николай и что сейчас он работает на самой обыкновенной работе. Больше о нем ничего не известно.

— Разыскать этого человека необходимо, — закончил Сережа.

Я сказал, что это дело несложное, раз известно, что он живет в нашем доме. Можно, в конце концов, обойти все квартиры и найти.

— Можно и так, — согласился Сережа, — действуйте.

На следующий день я рассказал о герое всем ребятам. Мы решили не ходить по квартирам. В домоуправлении есть домовая книга и там все расписано, кто где живет и как кого зовут. Мы проследили, когда управдом ушел из конторы, и попросили у бухгалтера тети Шуры книгу. Взрослых Николаев в нашем доме жило одиннадцать. Через час мы уже точно знали, что ни один из них не награжден орденами Славы. Что же делать? Может быть, он не прописан? Может быть, кто-то перепутал имя? Мы ломали головы и не заметили, как к нам подошла почтальон. Она улыбалась:

— Первый раз по такому адресу доставляю, — сказала она. — Кому же из вас отдать письмо?

Я взял письмо и прочитал на конверте: «Улица Мира, дом 17, ребятам этого двора». Я разорвал конверт и достал листок. Письмо было коротенькое, я прочел его про себя и ничего не смог сказать от удивления.

— Что ты молчишь? — закричали на меня ребята, — читай!

Я прочел:

«А все-таки герой по имени Николай живет в вашем доме. В. В. С.»

Мы смотрели друг на друга и соображали. Откуда В. В. С. знает нас?

— Это Сережа написал, — сказал Вовка, — но мы не будем ему подавать вида, что догадались.

Мы еще немного подумали и расшифровали В. В. С. Видимо, это обозначало: «Ваш вожатый Сережа». Мы опять пошли в домоуправление. За столом, покрытым красной материей, сидел управдом. Деваться нам было некуда. Юлия вышла вперед и сказала:

— Николай Васильевич! Нам стало известно, что в нашем доме... — И тут Сенька схватился за голову и закричал, как Тарзан:

— О-а-у-эй!

От этого крика меня осенило. Я тоже крикнул:

— Ребята, это он!!!

Управдом поднялся, на лице его промелькнул испуг. Он, наверное, подумал, что мы сошли с ума.

Мы совсем не разбирались в людях. Управдом, которого мы не любили и который платил нам тем же, оказался замечательным человеком.

Вечером на той же скамейке мы сочиняли письмо Сереже. «Дорогой Сережа! — писали мы. — Я снова пишу тебе. Когда вернешься из командировки, то сразу тебе вручат это письмо. Ребята из твоего отряда разыскали героя. В четверг в пять часов дня будет встреча. Николай Васильевич расскажет о своих боевых подвигах. Ребята очень ждут тебя. Твой старый друг — В. В. С.».

МОЖНО ЛИ ПИОНЕРУ ДРАТЬСЯ?

В субботу я наконец-то выбрал время и сел за письмо Гарику. Писать писем я не умел, да и времени у меня было мало. А чтобы рассказать Гарику все наши новости: про Сережку, про Юлю, можно было писать целый день. Поэтому я писал только о самом главном.

«Мы живем сейчас здорово. У нас вожатый Сережа. На том месте, где вы сушили ковры, у нас сейчас спортплощадка». Разве мог Гарик по этим словам представить нашу новую жизнь? «Приезжай скорей, Гарик, — закончил я письмо, — мы тебя возьмем в наш отряд». Потом я вспомнил, что ничего не написал про сороку и приписал: «Марина жива и здорова. Дима Портнов передал ей привет. Я в эту квартиру из-за одной неприятности с собакой зайти не могу».

Я заклеил письмо и побежал к почтовому ящику. Во

дворе меня уже ждали ребята с метелками и тряпками. В 12 часов Николай Васильевич обещал открыть комнату в подвале. Мы должны были ее вычистить. Там будет наш клуб.

Я метеором слетал к ящику, сунул письмо и вернулся во двор. В это же время появился и Николай Васильевич со связкой ключей. Мы пошли за ним и тихонько стояли за его спиной, пока он открывал замок. Зато, когда он открыл дверь, мы устроили настоящий танец дикарей.

— Ура! — кричал Сенька, размахивая очками. — Да здравствует клуб!

Наш клуб был большой комнатой без окон, но с электричеством. Чистые, выбеленные стены пахли известью. Юлия сказала, чтобы осталось всего пять человек, а то все только будут мешать друг другу.

Пока мы мыли пол и убирали паутину с углов, ребята в коридоре обсуждали, где взять стол и стулья и как назвать наш клуб. Потом нас сменили — новая пятерка стала мыть дверь и пол в коридоре. Нам пришлось выйти на улицу.

В то время, когда мы стояли и, перебивая друг друга, говорили о своем клубе, к нам подошел лысый, толстый мужчина и поздоровался. Мы ответили и с удивлением стали рассматривать его. Был он в желтой кожаной куртке и такой же точно фуражке с кожаной пуговичкой на макушке. Мы думали, что раз он поздоровался, значит, что-нибудь скажет. Но он ничего не сказал, постоял рядом, бросил папиросу, затоптал ее толстым ботинком и ушел. У нас был клуб, мы уже чувствовали себя хозяевами во дворе, поэтому Вовка нагнулся и поднял окуроч.

— Безобразия, — сказал он вслед человеку в кожаной куртке. — Дома у себя он папиросу не бросил бы.

Нам везло в этот день отчаянно. Только мы закончили уборку, Николай Васильевич позвал нас в домоуправление за столом и скамейками.

Через час комнату в подвале нельзя было узнать. На столе, застеленном бумагой, стоял букет цветов. На стенах — плакаты и картина «Три богатыря». Картину принес Сенька. В углу на газете ровными стопками лежали книги — наша библиотека.

В половине седьмого должен был прийти Сережа.

Он не знал, как мы тут без него управились, не видел, какую мы красоту навели в клубе.

Сережа как вошел, так и ахнул: «Вот это я понимаю! — сказал он, и лицо у него засияло от радости. — Теперь мы развернемся».

Мы стали разворачиваться, не теряя времени. Открытие клуба назначили на послезавтра. Подготовить концерт поручили Юле. Юля сразу же взялась за нас. Она сказала, что разучивать пьесу и танцы просто нет времени, пусть каждый сейчас скажет, с каким номером выступит на концерте. Сенька решил показывать фокусы, я сказал, что выучу стихотворение, Юля записала себе танец «Яблочко». Набралось много номеров. А когда Сережа сказал, что, пожалуй, сыграет на баяне вальс «Амурские волны», мы захолопали ему, как будто он уже был на сцене. Потом мы стали думать об играх и аттракционах, чтобы всем было весело на открытии. Решили устроить веселую лотерею. Мы заранее радовались, представляя, какой веселый у нас будет праздник.

Но радовались мы слишком рано. На второй день случилась такая история, из-за которой концерт отменили, а назначили собрание. Многие ребята не знали, что открытия не будет и пришли в клуб наряженные, с веселыми лицами. А когда узнали, что будет собрание, приуныли, многие даже повернули домой. Сережа сказал всем, что об открытии клуба будет объявлено особо, а сейчас всем надо обсудить одно важное дело. Он достал из кармана бумажку, развернул ее и сказал: «От пионера Семена Белкина поступило заявление. Читайте его: «Сегодня утром я шел по улице и ничего плохого не делал. Вдруг подскочила ко мне пионерка четвертого класса Катя Забелина и стала повсюду обзывать. Она сказала, что я трус и подлец, что я продал свою пионерскую честь. Я Забелину не трогал и ничего ей плохого не сказал. Даже после того, как она меня наобзывала, я сдержался. Она меня назвала трусом и подлецом. И пусть отвечает за свои слова. Такими словами пионерке бросаться нельзя».

Семен Белкин».

Все посмотрели на Катю. Она сидела в первом ряду. Красные бантики в ее тонких косичках торчали в разные стороны. Сенька не мог на нее все это ни за что написать. После того, как она попросила Сережу быть

у нас вожатым, я понял, что она только с виду такая тихая. За что же она обозвала Сеньку?

— Забелина, встань и повернись лицом к товарищам, — сказал Сережа.

Катя встала и посмотрела на нас. По ее глазам не было видно, чтобы она боялась.

— Скажи, Катя, — спросил Сергей, — все так было, как написал Семен Белкин?

Катя тихо ответила:

— Да.

— За что же ты нанесла своему товарищу такое оскорбление?

И тут Катя повернулась к Сереже и своим тихим голосом твердо сказала:

— Пусть он сам скажет.

— Я уже все сказал в своем заявлении! — крикнул Сенька. — Ни за что ты меня обозвала. Разве я тебя трогал?

— Расскажи, Катя, как все было, — попросил Сережа.

— Хорошо, я расскажу, — ответила она и начала: — Меня дома послали за молоком. Я взяла бидончик и пошла. Иду обратно, а навстречу какой-то мальчишка. Стукнул по бидону, молоко выплеснулось мне на платье и на ногу. Я ему крикнула: «Дурак!» Тогда он вернулся и ударил меня, выбил бидон, молоко все вылилось. Я пустым бидоном хотела его ударить, а он был сильней. — Тут глаза Кати наполнились слезами, она шмыгнула носом. — Он меня бил, а Сенька стоял и смотрел. Когда мальчишка убежал, я сказала Сеньке, что он трус и подлец.

Лицо Сережи стало серьезным, он обратился ко всем:

— Кто хочет сказать?

Я поднял руку и сказал:

— С одной стороны, виноват Сенька. Если он видел, как девочку бьют, и не заступился, — значит, он на самом деле трус. Но, с другой стороны, виновата сама Катя. Зачем она крикнула тому хулигану «дурак!» Он, может быть, только толкнул бы ее и бить не стал бы.

— Значит, хулигану надо уступать? — перебил меня чей-то голос.

И тут я услышал голос Юли:

— Я думала, Костя, что ты настоящий пионер. А ты...

«С одной стороны, с другой стороны...» С обеих сторон Сеня поступил подло, он трус. Он не защитил девочку. И я бы на Катином месте его так же назвала.

Ох! Что тут началось! Все стали выступать и говорить, что Сенька трус, что он опозорил весь отряд. Вовка Баженов сказал, что он на Сенькином месте так поддал бы тому мальчишке, что он на всю жизнь запомнил бы.

Сенька сидел мрачный, опустив голову. Но после Вовкиных слов он поднялся и закричал:

— Наподдал? Смотри, какой смелый! А разве пионеру можно драться?

— Не обязательно драться, — ответила Юлия. — Надо было на него словами подействовать.

Тут мы все наперебой закричали, что слова на хулиганов мало действуют.

— Я его побил бы, — сказал Сенька, — а он пришел бы, нажаловался и опять я был бы виноват. Ведь пионеру драться нельзя.

С этим трудно было спорить. И мы замолчали, не зная, что ответить Сеньке.

— Почему нельзя драться? — в тишине раздался голос Сережи. — Когда сильный бьет слабого, когда хулиган напал на девочку, — надо найти в себе смелость и дать сдачи. Пионер никогда первый никого не тронет, но если бьют его товарища — разве он будет стоять в стороне и рассуждать: «Я пионер, мне нельзя драться». Только трус будет так рассуждать. В пионерских законах, помни, Семён, написано: «Пионер — хороший товарищ», «Пионер растёт смелым».

Катю не защитил Сенька. Но я сидел на собрании, и уши мои горели от стыда. Как будто все это говорили мне.

СОЛНЦЕ В КАМНЕ

Сегодня опять воскресенье, а мне нельзя выходить на улицу. У меня болит горло, и бабушка строго-настрого запретила мне выходить во двор. Сидеть дома, когда в клубе ребята выбирают маршрут похода, было невыносимо. Мне стало казаться, что ребята забыли обо мне, и от этого еще больше заболело горло.

Конечно, забыли. Сидят, мечтают, а рядом друг больной при смерти. Я знал, что болезнь у меня не страшная — ангина, но ведь ребята не знали об этом.

В комнату вошла бабушка.

— Если кто-нибудь придет, — сказал я ей, — скажи, что я умер.

— Никто к тебе не придет, дурачок, — ответила бабушка, — я за хлебом ходила и сказала твоим, что ты заболел и беспокоить тебя нельзя.

Бабушка всегда найдет, что сказать, особенно, когда ее не просят. Спорить с ней бесполезно, но я все-таки стал спорить.

— Мама сказала мне сидеть дома. Про беспокойство она ничего не говорила. И если кто-нибудь придет, ты не имеешь права не пускать.

И тут как раз постучали в дверь. Бабушка пошла открывать и закрыла мою дверь на ключ. Я стал стучать в дверь кулаками и кричать:

— Имей в виду, у меня от крика повышается температура!

Бабушка открыла мою дверь, и тут в комнату вошел незнакомый мужчина. Он был лысый и толстый, я его сразу не узнал.

— Здравствуй, Костя, — мужчина протянул мне руку.

— Я вам не помешаю? — спросила бабушка.

Незнакомец ласково улыбнулся и сказал:

— Помешаете. У нас тут мужской разговор должен быть.

Бабушка ушла, а незнакомец сел на диван и, улыбаясь, стал глядеть на меня.

— Ну, что ж, будем считать, что мы познакомились, Костя. Ты меня узнаешь?

Где-то я его видел. Но где?

— Не морщись, я тебе напомним, где, — прочел он мои мысли. — Видел ты меня дней десять назад. Подошел я к вам, поздоровался, а сказать ничего не сказал.

— Ну, конечно! — хлопнул я себя по лбу. — Это были вы. Еще папиросу бросили и затоптали, а Вовка поднял.

— Вовке мой поклон. Папиросы бросать — это свинство.

На этажерке, на верхней полке, лежал дымчатый ка-

мень с нитями внутри. Нити уже больше не светились, и камень запылится, стал каким-то серым. Я давно не брал его в руки.

— Этот камень, — сказал незнакомец, — живет на свете без малого миллион лет.

Мне неудобно было спросить, откуда он это знает. Гость продолжал говорить.

— Когда-то, лет двести назад, этот камень был драгоценным. Редкий вид дымчатого хрустала со светлым волосом внутри ученые называли «волосатиком», а коллекционеры «Волосом Венеры». Этот камень нашли на Южном Урале. Если Грач подарил этот камень тебе, значит, я тоже могу считать тебя другом.

Грач! Так вот кто этот человек — папа Гарика!

Я забыл, что у меня болит горло, и крикнул:

— Извините, что я вас сразу не узнал.

Он засмеялся и сказал, чтобы я не пугал бабушку. Бабушка тут же заглянула к нам, но мы уже притихли и говорили о своих делах.

Мы говорили долго. Я рассказал Кириллу Андреевичу о нашем отряде. О том, как заболела мама у Никиты, как мы старались ему помочь и допустили ошибку. Я сказал, что недавно Никита получил письмо из санатория — его мама скоро будет совсем здоровой. В глазах у Кирилла Андреевича загорелись огоньки, когда я стал рассказывать ему, как мы работали на стройке.

Дом построили, жильцам уже выдали ордера, а комиссия его не приняла. Во дворе было очень много мусора. Сережа пошел в строительное управление, и наш отряд стал бригадой. Нам выдали лопаты, носилки и настоящий грузовик с шофером. Через четыре дня двор блестел, как стеклышко, а нашей бригаде уплатили 60 рублей. На эти деньги мы купим палатку и пойдем в поход.

Я рассказал о всех наших делах и очень удивился, что лицо Кирилла Андреевича вдруг стало грустным.

— Да... братец ты мой, — сказал он мне и вздохнул, — хорошо вы живете, а у меня сегодня совсем плохой день.

Я хотел спросить: не нужна ли ему наша помощь, но он поглядел на меня и покачал головой:

— Нет, тут уж ничем не поможешь. Полгода я не

видел Грача. Послезавтра они приезжают, а мне приказ — выезжать завтра утром.

Кирилл Андреевич поднялся. Лицо его было серьезно. Я тоже встал. Мы смотрели друг другу в глаза.

— Костя, — сказал он, — завтра утром я уезжаю. Дай мне слово, что вы возьмете Грача в свой отряд. Если будут какие-нибудь препятствия, вы все равно возьмете его. Ты меня понял?

Я понял. Когда Кирилл Андреевич ушел, я подошел к этажерке и взял в руки подарок Гарика. Миллион лет назад... А что будет через миллион лет? Я подошел к балконной двери и увидел чудо. Камень засверкал в моих руках, и нити внутри его загорелись золотом, словно лучики солнца.

Римма Михайловна Коваленко

РЕБЯТА С НАШЕГО ДВОРА

Художник И. Я. Коновалов.

Редактор Л. И. Муратова. Художественный редактор М. К. Омелянчук.

Технический редактор В. И. Духно. Корректор Т. П. Савинова.

Сдано в набор 29.V 1961 г. Подписано к печати 21.VIII-1961 г.

Бумага 84x108 $\frac{1}{32}$.

Бумажных л. 0,75. Печатных л. 1,5. Усл. печ. л. 2,5.

Уч.-изд. л. 2,35.

МА 03204. Заказ № 1166. Тираж 25000. Цена 7 коп.

Краснодарское книжное издательство, Красная, 74.

Типолитография Крайполиграфотдела Управления культуры,
ул. Красноармейская, 73.

Дорогие ребята!

*Ваши отзывы об этой книге просим
направлять по адресу: г. Краснодар,
ул. Красная, 74, Краснодарское книжное
издательство.*

Цена 7 коп.

КРАСНОДАРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1961